

является той «едой», которая может понравиться, и реакция на такую «еду» может быть чудовищной, ужасной, разрушительной.

Мы видим здесь почти полное совмещение значений пословиц в двух языках. Но формы выражения этих смыслов не одинаковы: русская пословица более метафорична.

Из этого сопоставления нескольких русских и македонских пословиц уже можно сделать некоторые выводы: 1) смысл пословиц и при различных формах выражения, как в последнем примере, может быть почти одинаковым; 2) смысл, передаваемый пословицами, может различаться в той или иной мере. Мы видим, что национальные пословицы часто отражают одну и ту же ситуацию в общих чертах, давая приблизительно такую же оценку ситуации. Однако есть нюансы, которые определяются национальным способом видения мира. Русский и македонский народы – славянские, они раньше имели общий взгляд на мир и на жизнь – тот, который в Библии. Разошлись национальные дороги, а потому разошлись и национальные языки, ныне по-разному отражающие картину мира в сознании носителя языка. Таким образом, пословица выражает национальное видение мира, взгляд народа на окружающее, на жизнь, на себя и на другие народы. Это и есть национальный менталитет.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Лацис Ю.С. (Россия) – магистр ОмГПУ

Фольклорные топосы смерти в лирике Н.А. Некрасова

В монографии «Некрасов» В.В. Жданова слово «похороны» употреблено 36 раз, и это не случайно: иногда поэт, став свидетелем смерти и/или похорон, сам писал об этом. Тема смерти проходит через всё творчество Н.А. Некрасова и непосредственно связана с его биографией: «Памяти Асенковой» (1853), «На смерть Шевченко» (1861), «Памяти Добролюбова» (1864) и другие. Таков же, по существу, «похоронный крик» бурлаков, памятный поэту с детства, о чем он написал в стихотворении «На Волге» (1860), где великая русская

река видится ему «рекою рабства и тоски», так как на ее берегах влачат своё существование и умирают измученные люди [5].

Бедность и муки народа – еще одна тема, пронизывающая некрасовскую лирику. Стихотворение «Еду ли ночью по улице темной» (1847) повествует о горькой судьбе русской женщины, которую жизнь подвергает суровым испытаниям: деспотичный отец и такой же муж, смерть ребенка и потеря чести ради похорон сына и дальнейшего существования:

...И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили... [7, т. 1, с. 62].

Здесь смерть обрамлена ритуалом: гроб и еда, полученные слишком дорогой ценой. Топос смерти вводится не случайно – это не только гибель ребенка, но и похороны чести, души.

Стихотворение «Похороны» [7, т. 2, с. 112–114] было написано летом 1860 г. «Меж высоких хлебов затерялся / Небогатое наше село...» – «так начинается рассказ сельского жителя, охотника, рассказ, ставший песней, ибо здесь в самом строе стиха, в его размере словно уже заложена песенная мелодия» [5]. Песенный мотив стихотворения не остался незамеченным, и Н.А. Александров в 1911 г. переложил слова на музыку. Став популярным, это произведение стерло границы авторства и обрело статус русской народной песни, чьим заголовком стала первая строка стихотворения «Меж высоких хлебов затерялся». Основой песни послужила часть сюжета без лирического переживания.

И.А. Дымова, рассматривая данное стихотворение как фольклорную песню, выделяет следующие характеристики: повествование от первого лица (какое наблюдаем и в стихотворении «Еду ли ночью по улице темной»), обращение к покойнику на «ты», народнопозитивский стиль и «очеловечивание» природы [4].

«Похороны» раскрывают топос смерти, заключающийся в самоубийстве пришлого человека. Христиане считают это одним из тяжелейших грехов, поскольку человек совершает двойной грех – убийства и отчаяния, в которых уже нельзя покаяться. Такое преступление не заслуживает прощения, и потому церковь не может участвовать в похоронном ритуале. В народном же сознании негативное отношение к самоубийцам формируется под влиянием не только христианских догматов, но и явного нарушения законов рода, отказа от исполнения своего человеческого долга.

Первое лицо, от которого ведется повествование, достаточно условно, ведь рассказ охотника – это голос всей деревни, в нем отражается народное сознание, общинный дух: «мы такой не знавали», «как у нас», «пришлось нам».

Умершие неестественной смертью, или заложные покойники (по определению Д.К. Зеленина [6]), не получают успокоения после смерти. Поэтому местом их погребения выбирали границы полей и перекрестки дорог, чтобы заблудшая душа сбилась с пути и не беспокоила мир живых. Заложного покойника нельзя было предавать земле и оплакивать, нарушение этого ритуала повлечет «неблагоприятные для прорастания хлебов климатические явления» [6, с. 92]: засуху, холод и др. Оплакивание – нарушение запрета, которое повлечет и негативные последствия для общины. Если ее члены сталкивались с такими проявлениями природной стихии, то покойника выкапывали из земли и отправляли к нечистой силе: в болота, дуга, леса.

Как показано в стихотворении, жители села тяжело переживают трагическое событие, называя стрелка «горе горькое», «голова бесшабашная»... В их душах смутные чувства, они переживают двойное горе: с одной стороны, такая смерть – великий грех! – легла чёрным пятном на село («Обрызгал ты грешною кровию / Неповинные наши поля!»), но, с другой стороны, им жаль усопшего: «Почивай же, дружок! Память вечная!» Сельчане знали стрелка как человека доброго и щедрого, но похоронить его со всеми необходимыми ритуалами они не могут. Этого не позволяют ни церковь, ни традиция. Вместе с тем, такое несоблюдение похоронного ритуала не даст душе умершего обрести покой на том свете:

И пришлось нам неожиданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Представления о похоронном ритуале, возникающие в стихотворении, становятся основой для лирического переживания. Народ, жалея стрелка, нарушает традиционный запрет и оплакивает покойного. Причем это делают не только взрослые и дети, но и как бы сама природа: «солнышко вместо ярого воску свечи», «рожь колыхалася», «пестрели цветы», «птичка божья на гроб опускалася». Природа выступает наблюдателем и сопереживает общей беде села.

Могилой для стрелка становится небольшая низина в поле «меж двумя хлебородными нивами», и эта чужая земля дает пристанище,

где «под большими плакучими ивами / Успокоился бедный стрелок». Образ плакучей ивы в фольклоре символизирует скорбь, печаль, траур, в плачах к ней обращаются в самые горькие минуты, у нее просят защиты. В христианстве ива является символом Евангелия, срезанные ветви не губят дерево, оно продолжает цвести, потому веточка ивы – атрибут Вербного воскресения.

Кроме того, для плачевой культуры характерны обращения за помощью к природным силам. Так, защитниками покойника становятся не только «большие плакучие ивы», но и «хлебородные нивы», которые находятся по обе стороны от могилы и «будут безгреховные сны навевать». Эта растительная символика – ключевая составляющая плачей. Обращения к природе, выражения горя через диалог с ней, ее «очеловечивание» способствуют сближению с миром умерших, помогают установить связь и передать сообщение в иной мир. Таким образом, включение мотивов и образов обрядовой поэзии компенсирует нарушение ритуала, а плач помогает осуществить функцию «социального обращения» [2, с. 86].

Использование фольклорного материала позволило Н.А. Некрасову передать живые чувства народа. А «фольклорная топка выступает в функции семантического ключа к литературному тексту», помогает понять смыслы текста через призму привлеченных автором «традиционных представлений о мире» [3, с. 45].

М.К. Азадовский выделял в плаче три основных момента, которые также отражены и в стихотворении:

1) упрёк-вопросение: «Что тебя доконало, сердешного? / Ты за что свою душу сгубил?»;

2) описание горькой участи («горе горькое», «беда страшная»);

3) мотив ожидания покойника с того света («дружка поджидать») [1, с. 95].

Плач по покойнику переходит в плач по всем умершим, обретает всеобщий характер:

Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой.

Здесь стоит отметить проявление естественной функции причитания – это выражение горя при потере близкого человека. Поэтому плачу свойственна высокая степень эмоционального напряжения.

Любовь к селу и его жителям очистила стрелка от греха – и люди простили, оплакали его. Происходит архетипизация всех

переживаний путем описания глобального общинного чувства. Таким образом, из всего вышперечисленного выявляем наличие следующих значимых элементов в стихотворении, заимствованных Некрасовым из плача:

- архетип «коллективного я»;
- прямые и косвенные обращения через введение природной символики;
- причитание по умершим и своей горькой доле;
- обобщение в финале.

На основе этих фольклорных представлений создается лирический сюжет. Обращение к народной поэтике плача позволяет автору создать новый литературный дискурс и применить новый принцип описания чувства.

Литература

1. Азадовский М.К. Ленские причитания. – Чита: Дальпрофсовет, 1922. – 128 с.
2. Буркхарт Д. Текстуальные, контекстуальные и интертекстуальные аспекты причитаний на Руси // Фольклор в современном мире: Аспекты и пути исследования. – М.: Наука, 1991. – С. 78–93.
3. Головин В.В., Николаев О.Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика фольклорно-литературного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // Навстречу 3-му Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. – М.: Гос. республ. центр русского фольклора, 2013. – С. 16–54.
4. Дымова И.А. Фольклорная песня как источник стихотворных новелл Н.А. Некрасова // Вестник ОГУ. – Вып. 5. – Оренбургский гос. ун-т, 2004. – С. 7–13.
5. Жданов В.В. Некрасов. – [Электрон. ресурс] URL: http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0130.shtml.
6. Зеленин Д.К. Избр. труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
7. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1981.

Литвиненко О.Ю. (Россия) – студентка ОмГПУ

Сюжетообразующая роль фольклорных мотивов в повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина

В основе сюжета повести «Пиковая дама» лежит мифологическое представление о трёх выигрышных картах. Хранителем тайны трёх карт может быть только избранный человек. В традиционной культуре такими знающими считаются ведуньи, колдуны, знахари, т. е. люди, обладающие особыми способностями. Узнать тайну у знающего можно только при соблюдении целого ряда